

**Preprints of the
Eurasian Research Institute for
Society and Culture Studies**

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И
МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В
РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН:
ПРОБЛЕМЫ И
ПРОТИВОРЕЧИЯ**

Еркин БАЙДАРОВ

AKHMET YASSAWI UNIVERSITY

ERI Working Papers

No: ERI_WP-009 (Russian)

Almaty/2016

This paper can be downloaded free of charge from the Eurasian Research Institute website

(<http://eurasian-research.org>)

Opinions expressed in this paper are those of the author and do not necessarily reflect views of the institute.

ERI Working Papers No: ERI_WP-009 (Russian)

© ERI Almaty, 2016

Eurasian Research Institute of Khoca Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University

Almaly, Mametova 48, 050004 Almaty-Kazakhstan

Tel. +7 727 279 97 94

Fax +7 727 279 24 26

<http://www.eurasian-research.org>

Межэтнические и межконфессиональные отношения в республике Узбекистан: проблемы и противоречия

Еркин БАЙДАРОВ¹

Резюме

В статье рассматриваются межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Узбекистан, а также связанные с ними проблемы и противоречия, существующие сегодня в стране с более тридцатимиллионным населением.

Многочисленные диаспоры Узбекистана в условиях кризисной социально-экономической ситуации внутри страны, в современных условиях интеграции и глобализации играют важную роль во внешнеполитической и внешнеэкономической политике Республики Узбекистан.

Однако, общие проблемы и низкий уровень жизни, а также сложности межнационального характера часто становятся поводом для диаспор Узбекистана в принятии решения о возвращении (репатриации) на историческую Родину. Объективная картина социального бытия в Узбекистане, свидетельствует, что значительное число этнических меньшинств, живут в таких же сложных условиях, что и все

¹ Старший научный сотрудник Евразийского научно-исследовательского института (ERI) при МКТУ им. А. Ясави, кандидат философских наук (PhD), Алматы/Казахстан; erkin_u.68@mail.ru

население. Диаспоры Узбекистана так же, как и представители титульной нации, страдают от коррупции и низкого уровня жизни. Если бытовой национализм и имеет место, то в незначительных масштабах. Поэтому снижение социального статуса национальных меньшинств, ухудшение их материального положения, отсутствие гарантированных прав во многих сферах жизнедеятельности нельзя рассматривать как дискриминацию только лишь представителей этнических диаспор республики.

В связи с этим, для Узбекистана в настоящее время одной главных внутривнутриполитических целей является, прежде всего, сохранение межэтнической и межконфессиональной стабильности в республике. Мощным фактором, поддерживающим чувство этничности диаспор Узбекистана, является в том числе религия. Религиозные представления о своем историческом происхождении обеспечивает немусульманским этническим группам осознание себя тем, кем они являются.

Ключевые слова: Узбекистан, Центральная Азия, национальная политика, этносы, диаспоры, социально-экономическое развитие, миграция, религия.

Interethnic and Interconfessional Relations in the Republic of Uzbekistan: Problems and Contradictions

Erkin BAIDAROV

Abstract

The article considers ethnic and inter-confessional relations in the Republic of Uzbekistan, as well as related issues and controversies, which exist in the country with more than 30 million population.

Numerous diasporas in Uzbekistan under the conditions of socio-economic crisis within the current context of integration and globalization, play a vital role in forming foreign and economic policies of the Republic of Uzbekistan.

Nonetheless, common widespread problems and low standards of living, as well as the complexity of inter-ethnic character are considered as the main reasons for some of diasporas in Uzbekistan to leave (repatriate) and go back to their historical homeland.

The picture of the social life in Uzbekistan depicts that major part of minority is living under the same difficult conditions, as the entire population.

Diasporas living in Uzbekistan, as well as representatives of the titular nation do suffer from the drawbacks of corruption and low standards of living. Nationalism takes place only on a small scale.

That is why the decline in social status of national minorities, deterioration of its financial conditions and lack of guaranteed rights in many aspects of life cannot be regarded as the discrimination related only to the representatives of ethnic communities in the country.

Therefore, now one of the major internal political goals for Uzbekistan is to preserve inter-ethnic and inter-confessional stability in the Republic.

Religion is considered as the major factor that maintains a sense of ethnicity among the diasporas in Uzbekistan.

Religious representations of the historical origins of the diasporas, provides the ethnic groups with the sense of awareness, of who they are.

Keywords: Uzbekistan, Central Asia, national policy, ethnic groups, diaspora, social and economic development, migration, religion.

Введение

Узбекистан является единственной страной центрально-азиатского региона, которая граничит со всеми остальными государствами Центральной Азии, что не могло не сказаться на национальном составе республики, на территории которой проживают многочисленные представители основных коренных этносов региона. Большинство представителей этих этносов проживают в приграничных районах Узбекистана, а в приграничных территориях соседних стран живут соответственно и сами узбеки, создавая тем самым, обширную буферную зону с обеих сторон границ, соседствующих в центрально-азиатском регионе государств. В связи с этим необходимость постоянного изучения состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в этой зоне с целью недопущения возникновения конфликтных ситуаций постоянно актуализируется.

В республике, где более 15 % населения являются представителями не титульной нации, стабильность в межнациональных отношениях имеет определяющее значение в обеспечении общественной безопасности. Естественно, что ведущую роль выполняет титульная нация – узбекская. В этой связи руководство страны укрепляет внутриэтническую солидарность и взаимоподдержку, одновременно сплачивая вокруг себя другие этносы, проживающие в Узбекистане. Данный процесс идет через создание широких возможностей для представителей не титульной нации в изучении культуры, истории и языка узбекского народа. В условиях независимого Узбекистана это является одним из главных факторов социально-политического развития страны, способствуя

укреплению гражданского мира, межнационального согласия, стабильности и взаимопонимания в обществе.

Основы национальной политики Узбекистана

Национальный вопрос в республике, как политическое направление, отражен в основном законе – Конституции Республики Узбекистан. В 18-й статье определено: *«В Республике Узбекистан все граждане имеют равные права и свободы независимо от их пола, национальности, расы, языка, религии, социального происхождения, вероисповедания, личности и социального статуса, все равноправны перед законом»* [1, с. 9].

Национальная политика в Узбекистане осуществляется на основе норм, отмеченных в Конституции страны и других законов республики. Основные аспекты этнополитики Республики Узбекистан освещены в таких документах как:

- Конституция Республики Узбекистан (*статьи 4, 8, 18, 21, 31, 57, 73, 74, 115*);
- Законы Республики Узбекистан;
- Указы Президента Республики Узбекистан;
- Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан и др.

Источниками обеспечения этнополитики в республике являются Конституция и другие законодательные акты в данной сфере:

- Закон «О государственном языке» (*статья 24*);
- Закон «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан»;
- Закон «О гражданстве»;

- Закон «О свободе совести и религиозных организациях» (статья 5);
- Закон «О средствах массовой информации» (статья 6);
- Международные договора (в том числе, резолюции и рекомендации международных организаций) в области прав человека и гуманитарного права, принятые и ратифицированные Республикой Узбекистан;
- Национальная программа действий в области прав человека и т.д.

Национальный состав

По состоянию на 1 января 2015 года как сообщает пресс-служба Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, численность постоянного населения республики, по предварительным данным, составила 31 022 500 человек [2]. По числу жителей Узбекистан занимает третье место среди стран СНГ, после Российской Федерации и Украины.

Согласно *официальным и другим данным*, на 1 января 2013 г. этническая ситуация в Республике Узбекистан выглядела следующим образом: *узбеки* – 24 858 159 чел. (82,9 %), *таджики* – 1 449 974 чел. (4,8 %), *казахи* – 1 200 000 (4 %), *русские* – 809 530 чел. (2,6 %), *каракалпаки* – 500 тыс. чел. (2 %), *киргизы* – 250 00 тыс. чел. (1 %), *татары* – 211 119 чел. (0,7 %), *корейцы* – 184 699 чел. (0,6 %), *туркмены* – более 160 тыс. чел. (более 0,5 %) и др. [3, 4, 5].

Следует отметить, что в Узбекистане, единственной из всех республик Центральной Азии, перепись населения после распада СССР ни разу не проводилась. Поэтому, в Узбекистане оперативные статистические данные об этническом составе

населения не публикуются и ориентироваться приходится на результаты переписей населения или оценочные данные².

Роль национальных культурных центров

Являясь многонациональной республикой, где мирно проживают представители 130 национальностей, руководство Узбекистана уделяет большое внимание национальной политике, направленной на создание атмосферы межнационального и межконфессионального согласия в стране. Для удовлетворения их культурных запросов – развития языка, национальных культур, традиций созданы около 150 национальных культурных центров (НКЦ), работу которых координирует Республиканский интернациональный культурный центр (РИКЦ), оказывающий им как организационную, так и методическую помощь³.

При этом НКЦ являются весьма авторитетными общественными организациями, которым по плечу решение разнообразных сложных задач не только культурно-просветительского плана, образовательного, духовного, но и политического, социального.

² Данные о численности населения фиксируются государственными органами ЗАГС, а также Государственным центром персонализации при Кабинете Министров Республики Узбекистан. Национальная принадлежность указывается на основании свидетельства о рождении (национальность родителей) в соответствующей графе паспорта при его выдаче.

³ Из около 150 национальных культурных центров, 14 из них имеют статус республиканских, отделения которых действуют во многих регионах: Республиканский азербайджанский национальный культурный центр, Ассоциация корейских культурных центров Узбекистана, Армянский национальный культурный центр Узбекистана; Еврейский национальный культурный центр Узбекистана, Казахский культурный центр Узбекистана, Кыргызский национальный культурный центр Узбекистана, Культурный центр немцев Узбекистана «Wiedergeburt», Польский общественно-культурный центр «Светлица Польска», Русский культурный центр Узбекистана, Таджикский национальный культурный центр, Республиканский турецкий национальный культурный центр, Республиканский туркменский культурный центр, Уйгурский национальный культурный центр, Республиканский украинский национальный культурный центр.

Доказательством признания большой роли национальных культурных центров в сохранении в стране обстановки мира и гражданского согласия является то, что многие их активисты имеют государственные награды. Высокого звания «Герой Узбекистана» («Узбекистон Кахрамони») удостоены представители таджикской, казахской, русской, украинской, корейской диаспор.

Большую роль в формировании межнационального согласия в Узбекистане играют телевидение и радио, ведущие свои передачи на десяти языках (узбекском, каракалпакском, казахском, киргизском, таджикском, туркменском языках, а также на русском, татарском, уйгурском и азербайджанском). Газеты и журналы издаются на восьми языках (узбекском, каракалпакском, русском, английском, казахском, киргизском, таджикском и туркменском).

Самые крупные этносы Узбекистана и межэтническая ситуация

Традиционно важным и самым крупным после узбеков этносом республики являются – *таджики* (4,8 %), населяющие более-менее компактно области своих традиционных центров – т.е. гг. Самарканда и Бухары, которые после разделения Средней Азии в 20-ые годы XX столетия, остались за границами Таджикской АССР, а затем и Таджикской ССР.

Сегодня эти центры многими экспертами обозначаются как возможные очаги конфликтов. При этом следует отметить, что среди руководящих самаркандско-бухарских элит существует много таджиков, на которых опирается президент И.А. Каримов.

Таджикам разрешено использовать свой язык, учиться в таджикских школах. Так, согласно показателям Министерства народного образования Республики, Узбекистан за 2012-2013 учебный год в стране насчитывалось 256 школ с таджикским языком обучения [6] и т.д.

Несмотря на то, что в какой-то степени в исторических и культурных центрах компактного проживания таджиков произошло стирание идентичности таджиков в языковом и культурном измерении, тем не менее, сегодня наблюдается повышение правового и политического сознания таджиков Узбекистана, что говорит о возрождении их национального самосознания.

Достаточным влиянием в стране по-прежнему пользуется *русские* (2,6 %), из которых происходят многие влиятельные лица в предпринимательской сфере. Русские также составляют большую часть интеллигенции Узбекистана, и официальный Ташкент хорошо осознает, что без их поддержки и контактов ему не обойтись.

После массовой эмиграции 1990-х гг., число русских в стране существенно сократилось. Как пишет российский эксперт Александр Шустов: «По данным текущей статистики на 2006 год, в республике проживало 952 тыс. русских, составлявших около 3,4% ее населения. Поскольку на 2000 год русских насчитывалось 1 млн 199 тыс. человек, к 2006 году их количество сократилось на 247 тыс. человек, или на 1/5. Если в 2006–2015 годах темпы демографической убыли русского населения были такими же, его численность должна уменьшиться еще примерно на 400 тыс. и составить около 0,5–0,6 млн человек. В целом эта цифра соответствует неформальным оценкам реального количества проживающих в

Узбекистане русских, периодически появляющимся в Интернете» [7].

Являясь родным языком русского населения республики, русский выступает в качестве второго языка для большей части жителей Узбекистана вне зависимости от национальности: им владеет большая часть узбеков, казахов, киргизов и таджиков в городах республики. В сельской местности знание русского значительно слабее. На территории республики сохранилась и продолжает действовать сеть государственных учебных заведений на русском языке.

Сегодня в Узбекистане, согласно данным за 2012-2013 гг. функционирует около 850 школ с русским языком обучения, где обучаются около 400 000 человек [6]. С 1 ноября 2012 года по приказу Министерства юстиции республики русский язык вновь разрешили использовать при оформлении документов в органах ЗАГСа [8].

В то же время, положение русских и русскоязычных граждан Узбекистана, по мнению самих русских и русскоязычных, стремительно ухудшаются и подвергаются сильному давлению.

Так, например, в беседе с корреспондентом Информационного агентства «Росбалт»⁴ жительница Ташкента Валентина, категорически отказавшаяся называть свою фамилию, заявила, что: *«Уже двадцать лет в Узбекистане идет масштабное и очень жесткое вытеснение русских из всех сфер жизни»* [9].

По мнению эксперта по региону Айбека Султангазиева: *«Симпатия или антипатия к России и русским в Узбекистане*

⁴ «Росбалт» — российское федеральное информационно-аналитическое агентство с главными офисами в Москве и Санкт-Петербурге, представительствами в городах России и странах ближнего зарубежья.

зависят от курса внешней политики Ташкента. В годы потепления отношений между странами симпатии усиливаются со стороны власти. Но враждебность к русским присутствует с самых первых лет независимости. Период нахождения территории Узбекистана в составе Российской империи, а затем и СССР преподносится тенденциозно и рассматривается в официальной идеологии как период колонизации» [9].

Тем не менее, среди простых узбеков, особенно заставших советское время, отношение и к русским, и к русскому языку вполне лояльное и уважительное. Другое дело, что за время независимости уже подросло поколение, твердо усвоившее правило – русские это «колонизаторы».

На западе Узбекистана, далеко от центра, находятся - *каракалпаки* (2 %), влияние которых на политической сцене практически незаметно. Центр их не очень трогает, и они не очень представлены в центре. Республика Каракалпакстан провозглашена автономной со своими управленческими структурами. В самой республике проживает примерно 400 тыс. каракалпаков [10, с. 258]. Однако после недавней аннексии Россией Крыма в СМИ появились сообщения о том, что в ближайшее время Ташкент может столкнуться с проблемой каракалпакского сепаратизма и, что, ряд общественных движений Каракалпакии – «Алга Каракалпакстан» («Вперёд, Каракалпакия»), заявили о начале борьбы за независимость. В самом Ташкенте подобные призывы называют провокацией, поддержанной из-за границы [11].

Одним из самых крупных автохтонных народов страны являются – *казахи* (4 %), представляя собой самую крупную

в СНГ казахскую диаспору, доля 1-2-ое место в мире с казахской диаспорой в КНР.

Возникновение столь значительной казахской диаспоры в Узбекистане связано исторической близостью двух народов и разностью образа жизни. Присутствие казахов во внутренних районах Узбекистана объясняется также и тем, что некоторые территории современного Узбекистана в XVII-XVIII вв. входили в состав Казахского ханства, а Ташкент на протяжении почти ста лет являлся резиденцией ее правителей.

Присутствие казахской диаспоры объясняется также передачей Узбекистану приграничных территорий Казахстана по решению руководства СССР в 1950-1960 гг. XX века.

Репатриация на историческую родину не могла не оказать заметного влияния на численность казахской общины Узбекистана, соответственно сузив и репродуктивную базу казахской общины, что соответственно сократило и сам валовой естественный прирост. Общий объем репатриации узбекских казахов в Казахстан за период 1991-2015 гг., согласно официальным оценкам Министерства здравоохранения и социального развития Республики Казахстан, составил около 600 тыс. человек (61,6 %) [12].

Как отмечает казахский исследователь Газиз Телебаев, если считать, что с 1989 года в Узбекистане не было переписи населения, но доля казахов в течении десятилетий составляла около 4 %, то сейчас численность казахов должна составлять примерно 1 млн. 200 тыс. [4, с. 178-179].

Вместе с тем, встречающиеся в прессе неофициальные оценки, согласно которым численность казахов в Узбекистане может насчитывать 1,5 – 2 мил. человек, фактически исходят из того,

что значительная часть, если не большинство казахов Узбекистана, официальной статистикой не учитываются.

С 1989 года в Узбекистане функционирует Казахский национальный культурный центр. Его основная цель – сохранить язык, традиции, обычаи своего народа и духовную культуру предков. При культурном центре на бесплатной основе действует школа, в которой проводится изучение казахского языка и литературы, истории и этногенеза казахов Центральной Азии.

В Ташкенте помимо Казахского культурного центра, работает также и Казахский драматический театр. Выходит в свет республиканская государственная газета на казахском языке «Нурлы жол», республиканское радио и телевидение регулярно транслируют такие передачи, как «Замандас», «Дидар» и «Достык».

Во многих вузах республики, как, например, Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, Гулистанский педагогический институт, прием вступительных экзаменов и преподавание для казахской молодежи проводится на родном языке. В них и ряде других ВУЗов республики (например, Навоийском и Ангренском педагогических институтах и др.) для получения высшего и профессионального образования на казахском языке созданы кафедры казахского языка и литературы.

В то же время существует и ряд проблем, связанных с сокращением численности школ, с казахским языком обучения. На сегодняшний день в Узбекистане согласно данным за 2012-2013 гг. существует около 420 школ, где обучение ведётся

на казахском языке [6]⁵. Из них более 200 – моноязычные казахские школы, остальные – смешанные. Не хватает учебников на родном языке. Дополнительные трудности в получении образования создает и то, что в 1996 году общеобразовательные учреждения Узбекистана перешли на латинскую графику.

Около 60% диаспоры – жители сельской местности. Они выращивают хлопок и рис, успешно занимаются животноводством, в том числе разведением каракулевых пород овец. Горожане, в основном, работают в образовании, здравоохранении, бытовом обслуживании и в других отраслях нематериальной сферы [13, с. 214-215].

Необходимо отметить, что в Узбекистане, среди казахского населения республики, главным образом, молодежи и женщин, сохраняется очень высокая безработица, в первую очередь среди людей со средним образованием, достигая уровня 50-60 %. Особенно остро эта проблема стоит на территориях, обозначенных как зоны экологического бедствия. Например, в Каракалпакстане более 70% трудоспособного населения диаспоры – безработные.

Происходит сокращение этнических казахов и в государственных органах власти. В таких густонаселенных казахами регионах республики как Каракалпакстан, Ташкентская и Навойская области число руководителей – представителей диаспоры, в последние годы заметно сократилась. Их освобождают с руководящих постов, высокооплачиваемых или престижных должностей. Казахская диаспора воспринимает происходящее как ущемление своих

⁵ К моменту распада СССР в Узбекистане было свыше 700 школ с казахским языком обучения –Е.Б.

социальных, политических прав. Такие действия властей способствуют социальной напряженности в местах компактного проживания казахов. Косвенным подтверждением этому служит увеличение числа межэтнических конфликтов на бытовом уровне.

Как отмечает узбекский политолог Баходир Сафоев, «*между казахами и узбеками исторически существует определенная напряженность, которая еще в советские времена выражалось в том, что имела место быть определенная конкуренция за лидерство в Средней Азии. <...> После краха СССР, казавшийся более экономически развитым и успешным Узбекистан начал быстро сдавать свои позиции. Начался затяжной экономический кризис, сегодня узбеки массово работают в Казахстане и есть ощущение некоей исторической несправедливости, поэтому определенное напряжение имеет место быть. Другое дело, что нельзя говорить о наличии в Узбекистане масштабного национализма против казахского этнического меньшинства, так как в целом в стране подобные проблемы в основном решены, люди слишком загружены текущими проблемами и элементарным выживанием, поэтому иное их редко тревожит*» [14].

Об определенном порохе, существующем в отношениях этнических казахов и узбеков в соседнем государстве, говорит конфликт на национальной почве, произошедший в начале 2012 года в городе Чирчик, неподалеку от столицы страны – города Ташкента. Конфликт мог иметь самые печальные последствия.

Одной из причин конфликта представителей двух народов, стала оскорбительная для казахов песня, распространенная в Интернете и записанная на мобильные телефоны. Остудить межнациональные страсти удалось путем оперативных действий

правоохранительных органов, принявших быстрые и соответствующие меры.

Существующие общие проблемы и низкий уровень жизни, а также сложности межнационального характера часто становятся поводом для казахов Узбекистана о принятии решения о возвращении на историческую Родину.

Однако, объективная картина социального бытия в Узбекистане, свидетельствует, что значительное число этнических казахов, живут в таких же сложных условиях, что и все население. Казахи в Узбекистане так же, как и представители других национальностей, в том числе и титульной, страдают от коррупции и низкого уровня жизни. Если бытовой национализм и имеет место, то в незначительных масштабах.

Поэтому снижение социального статуса казахской диаспоры, ухудшение ее материального положения, отсутствие гарантированных прав во многих сферах жизнедеятельности нельзя рассматривать как дискриминацию только лишь казахского населения республики, прекрасно интегрированных в узбекском социуме.

Конфессиональный состав и межконфессиональная ситуация

По конституции, Узбекистан является светским государством. Однако для граждан, исповедующих различные религии, созданы все условия для свободного отправления религиозных обрядов – верующие свободно молятся в мечетях, церквях, синагогах, соблюдают пост, а также совершают паломничество к святым местам.

В Узбекистане в настоящее время действует 16 религиозных конфессий, свою деятельность осуществляют более 2200 религиозных организаций.

Более 90% процентов населения традиционно являются мусульманами, большинство которых составляют мусульмане-сунниты ханафитской направленности.

Приблизительно 4% процента населения составляют последователи Русской православной церкви (РПЦ), однако эта цифра сокращается, поскольку этнические русские и другие представители славянских национальностей (украинцев, белорусов) продолжают эмигрировать. Оставшиеся 3% процента населения включают небольшие религиозные общины католиков, корейских христиан, баптистов, лютеран, адвентистов седьмого дня, евангелистов, пятидесятников, Свидетелей Иеговы и др.⁶

Значительное присутствие христианских конфессий в Узбекистане, стало причиной негативного отношения к ним со стороны власти, так как многие этнические узбеки становятся их прихожанами. В связи с этим, некоторым нетрадиционным христианским деноминациям было отказано в регистрации. Данная тенденция характерна не только для Узбекистана, а для всего региона. Как отмечает Себастьян Пейрус: «Положение

⁶ Согласно *Докладу о свободе вероисповедания в странах мира за 2012 год* в Узбекистане «официально зарегистрировано 2225 религиозных организаций 16 различных религиозных конфессий. Действует 2051 мусульманская организация (в том числе мечети, образовательные учреждения и исламские центры). Среди мусульманских религиозных групп есть несколько шиитских общин. Зарегистрированные организации религиозных меньшинств включают 52 организации корейских христиан, 38 организаций Русской православной церкви, 23 организации баптистов, 21 организацию пятидесятников («Полное Евангелие»), 10 организаций адвентистов седьмого дня, восемь иудейских организаций, пять католических организаций, шесть организаций бахаистов, две лютеранские организации, четыре организации новоапостольских христиан, две организации Армянской апостольской церкви, одну организацию Свидетелей Иеговы, одну организацию сознания Кришны, один храм Будды, одну христианскую церковь «Голос Божий», и одно межконфессиональное Библейское общество» [15].

христиан в Средней Азии очень похоже на ситуацию в России и Белоруссии. У православных нет никаких проблем, но другие христианские группы подвергаются преследованиям практически каждый день, порой им не дают даже проводить обычные богослужения. Так происходит по той причине, что эти группы считаются «чуждыми вероисповеданиями», импортированными с Запада. Таким образом, политические власти и иерархи так называемых традиционных религий видят в них угрозу внутренней безопасности и стабильности» [16].

Однако в последнее время государственные органы стали более терпимо относиться к деятельности нетрадиционных религиозных движений, в частности, к Свидетелям Иеговы и др. неопротестантским деноминациям. Так, Комитет по делам религий при Кабинете министров Узбекистана в феврале 2014 г. опубликовал опровержение по материалу «Всемирный доклад 2014: Узбекистан», где говорится, что: «Согласно законодательству, осуществление свободы исповедовать религию или иных убеждений подлежит лишь тем ограничениям, которые необходимы для обеспечения национальной безопасности и общественного порядка, жизни, здоровья, морали, прав и свобод других граждан» [17].

Исламский фактор в Узбекистане: проблемы и противоречия

В Республике Узбекистан после семидесяти лет научного атеизма, с получением независимости, общество с невиданной эйфорией начало восстанавливать исламские ценности и мусульманский образ жизни. За короткие сроки были

восстановлены религиозные институты, во имя Ислама даже сформировались оппозиционные движения радикального толка, были организованы религиозно мотивированные акты терроризма.

Исследователи исламского фактора в Узбекистане утверждают, что исторически, до установления здесь советской власти, общественное сознание узбеков было настолько насыщено символами Ислама, что энергии такого заряда без особых трудностей хватало на целый век атеизма. Если сравнивать узбеков с народами других центрально-азиатских стран, то разница между ними очевидна. По сравнению с другими мусульманскими этническими группами региона, узбеки, а также таджики, с точки зрения религии показали себя более консервативными.

Мусульманская умма Узбекистана гордится тем, что из шести великих имамов-мухаддисов, двое – самый признанный в мусульманском мире автор хадисов Имам ал-Бухари (810-870), а также Имам Ат-Термизи (824-892) – выходцы из современных территорий Узбекистана.

Следует отметить, что узбекское общество – общество традиционное. Вместе с тем, традиция, как устойчивая, повторяющаяся привычка, по истечению веков, была сформирована именно под воздействием Ислама.

Думается, что в условиях глобализации, с учетом современных реалий Узбекистана, роль исламского фактора в узбекском обществе будет только нарастать. Светский путь развития, под руководством правящего политического режима с авторитарным характером, существенно дискредитирован. Но, данная дискредитация в общественном мнении мусульман Узбекистана имеет специфический характер. Точно нельзя

сказать, что в настоящее время роль Ислама в обществе заметно усиливается. Но очевидно другое - на фоне упадка других ценностных систем, таких как либеральная демократия, идеология национальной независимости, Ислам сохраняет свои позиции, и этим выгодно отличается от остальных. Одним словом, Ислам есть и остается главным элементом массового сознания мусульман Узбекистана.

Естественно, что политика государства в сфере религии, особенно Ислама, будет одним из центральных индикаторов измерения в целом стиля мышления и поведения современного политического истеблишмента Узбекистана. Именно религиозный фактор в современном Узбекистане является основным символом напряжения и конфликта между властями и обществом.

Необходимо заметить, что правительство не борется с Исламом как таковой, оно хорошо осознает, что Ислам в узбекском обществе имеет слишком крепкие корни. Власти сегодня перед собой ставят задачу иного характера, а именно, снизить уровень религиозности общества и удержать ее в комфортном для властей уровне. То есть, правительство Узбекистана борется с высоким уровнем религиозности среди мусульман, будь это салафитский, традиционный, или суфийские течения Ислама. Среди объектов преследований из числа последователей Ислама можно встретить представителей разного рода течений и групп, но их объединяет несколько общих критериев, таких как «активность религиозного поведения», «способность вызвать напряженность у властей», а иногда и «открытое или скрытое несогласие с властями».

Как отмечает узбекский эксперт Камоллидин Раббимов: *«После нескольких случаев соприкосновения с религиозно активными*

лицами и группами, к середине 90-х годов, власти пришли к выводу, что с повышением уровня религиозности общества, Ислам постепенно будет рассматриваться, как идеология социальной справедливости, в результате чего религия станет основным фактором канализации протестных настроений населения. Такое восприятие стало результатом совокупных ощущений постатеистической власти, которая не совсем понимала склонности и религиозные потребности последователей Ислама.

Согласно этому мышлению властей, сдерживание и даже борьба с высоким уровнем религиозности последователей Ислама стали центральными пунктами внутренней государственной политики Узбекистана» [18]. Как следствие, в мае 1998 года было кардинально пересмотрено законодательство республики в сфере урегулирования религиозной жизни общества, что привело к его ужесточению.

За 25 лет независимости, Узбекистан превратился в одну из нескольких стран мусульманского мира, где сформировался «сложный/негативный» образ Ислама и мусульман: правительство со своими подконтрольными информационными ресурсами воспроизводит символы, образы, идеи в сочетании со словами и понятиями «экстремизм», «фундаментализм», «радикализм», и наконец, «терроризм». В сознании граждан Узбекистана, как подчеркивает К. Раббимов, «давно сформированы устойчивые стереотипы, и эти термины, естественным образом, имеют сочетание «религиозный» » [18].

В объяснении о причинах жесткой политики официального Ташкента по исламскому фактору, мнения наблюдателей в основном разделяются на две противоположные стороны. Одна сторона уверена, что «борьба с так называемым религиозным

экстремизмом – это хорошо продуманная политическая технология властей», позволяющая им проводить жесткую внутреннюю политику. И тем самым предоставляя основания для оправдания перед внешним миром «издержек борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом». Такая оценка предполагает, что власти, от начала до конца придумали «угрозу экстремизма и терроризма», и что имеет место масштабное манипулирование общественным мнением внутри страны и за ее пределами.

Противоположная сторона склонна думать, что на самом деле в Узбекистане немало экстремистов и террористов. Они согласны, что против экстремизма и терроризма необходимо бороться. Поэтому официальный Ташкент, на их взгляд, рассматривает радикальный исламизм настолько серьезным и всесильным фактором, что полностью посвятило себя на борьбу с религиозным экстремизмом и терроризмом.

Сегодняшняя жесткая политика Узбекистана над Исламом и активными мусульманами (практикующими, т.е. исполняющими предписания Ислама – *Е.Б.*) стала результатом индивидуальных переживаний и склонностей центральных нервов политического режима. Обеспокоенность власти по поводу «деструктивности» отдельных религиозных лиц и групп отчасти основано на конкретных примерах. Здесь стоит вспомнить события начала 90-х годов XX века в Намангане и других областях Ферганской долины, когда возникло Исламское Движение Узбекистана и иные подобные факторы. Но как уже было сказано, сегодня в Узбекистане борются не только и не столько с «религиозным экстремизмом» как таковой, а со снижением уровня религиозности мусульманского населения. Власти думают, что между религиозным экстремизмом и высоким уровнем

религиозности есть прямая взаимозависимость. Именно поэтому в Узбекистане, критика со стороны исламских религиозных деятелей часто оценивается властью, как «религиозный экстремизм» и жестко карается.

Официальные власти страны, для формирования и укрепления светской, демократической формы правления в таких мусульманских обществах, как Узбекистан, вместе с правовыми основами обеспечения свободы совести и религий, делают все возможное, чтоб объяснить обществу желательность светского характера государства, в том числе для «конфессионального большинства».

Поэтому характер государственной политики в отношении исламского фактора в Узбекистане можно квалифицировать в основном как «принуждение», а иногда как «применении силы». Таким образом, власти Узбекистана, не отходя от принципов светскости и демократичности государственного устройства, «убеждают» общество, особенно религиозно активной части социума, принимать светскую форму правления, как благо. Правящая элита убеждена, что для поддержания светскости государства, необходимо «дозированное насилие» над обществом и жесткий контроль над религиозным фактором [18].

Заключение

Сохранение в стране обстановки мира и спокойствия с целью обеспечения благоприятных условий для успешного политического и социально-экономического развития республики в целом, является важнейшей задачей национальной политики современного Узбекистана. И главным выразителем общечеловеческих интересов и потребностей, главным трендом

общественного развития может быть – толерантность, мир и согласие в узбекском обществе, так как именно от них зависит формирование атмосферы взаимопонимания и недопущения межэтнической конфронтации в республике.

Как было показано выше, политика Узбекистана в области межэтнических и межконфессиональных отношений главным образом направлена на развитие этнической и конфессиональной самобытности всех граждан республики без ущерба общественным интеграционным процессам, и вместе с тем, недопущения превращения мощных процессов национального становления в националистические по своему характеру и содержанию. Соответственно, государственная политика Узбекистана, где полное согласие, понимание и взаимное уважение представителей различных национальных этнических и конфессиональных групп, есть фактор стабильности и гражданского мира не только в Узбекистане, но и во всем центральноазиатском регионе в целом.

Источники и литература:

1. Ўзбекистон Республикасининг Конституцияси. – Т.: «Ўзбекистон», 2010.
2. [Численность постоянного населения \(динамика населения Узбекистана и его регионов в 1991 — 2015\)](#) // Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. Демографические данные.
3. Цыряпкина Ю.Н. Русские в Узбекистане: языковые практики и самоидентификации (на примере полевых исследований в Фергане) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – № 3(9). – С. 18-28 / Материалы предоставлены Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан № 01/2-05-05/3-50 от 12 мая 2014 г.
4. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликта // Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 513 с. / http://static.iea.ras.ru/books/Ethnomonitoring_2010.pdf
5. Телебаев Г. Проблемы социальной интеграции ораалманов в контексте языковой ситуации в Казахстане // Социальный портрет современного казахстанского общества: Сборник статей. Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента РК – Лидера нации. – Астана – Алматы, 2015. – 240 с. – С. 177-207.
6. Основные показатели Министерства народного образования Республики Узбекистан на 2012-2013 учебный год // <http://eduportal.uz/rus/info/information/docs/20122013/>
7. Шустов А. Русский мир Средней Азии сжимается // http://www.ng.ru/courier/2016-02-01/11_asia.html
8. <http://lenta.ru/news/2012/11/01/language/>
9. <http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/04/01/1112454.html>
10. Bradley Mayhew. Central Asia: Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan. –Lonely planet. – 2007.
11. Сепаратистский вызов Ташкенту // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1406965020>
12. Информация по этнической миграции на 1 октября 2015 года // Министерство здравоохранения и социального развития республики Казахстан. Официальный Интернет-ресурс / <http://www.mzsr.gov.kz/content/%>

13. *Тукумов Е.* Казахи Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №6.
14. Как живут в Узбекистане этнические казахи? // <http://news.nur.kz/282060.html>
15. 2012 Report on International Religious Freedom – Uzbekistan / Государственный департамент США, Доклад о свободе вероисповедания в странах мира за 2012 год: Узбекистан, 20 мая 2013 / Доступ по следующему адресу: <http://www.refworld.org.ru/docid/520e4ac74.html> [последняя дата доступа 22 мая 2014].
16. *Пейрус С.* Христиане как основное религиозное меньшинство Средней Азии // Повседневная жизнь в Средней Азии, прошлое и настоящее / Под ред. Джефа Сахадео и Расселла Цанка. Блумингтон: Изд-во университета Луизианы, 2007 // <http://www.eastwestreport.org/47-russian/1-r17-4/385-2013-11-28-10-23-03>
17. Комитет по делам религий: Правительство проводит взвешенную политику в области религии // <http://www.uzdaily.uz/articles-id-19260.htm>, 18 февраля 2014 г.
18. *Раббимов К.* Государственная политика Узбекистана в сфере Ислама и мусульман: борьба с уровнем религиозности населения. Аналитический доклад. – Ташкент: Экспертная рабочая группа – Узбекистан, 2010. – 16 с.